

Юнусов А.Т.

кандидат философских наук, младший научный сотрудник Института философии Российской академии наук, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.
E-mail: forty-two@mail.ru.

“Бессильная невозможность”. О новом переводе «Метафизики» Аристотеля

(Рецензия на книгу: *Аристотель. Метафизика / Перевод с древнегреч., вступительная статья и комм. А.В. Маркова. Москва: РИПОЛ классик, 2018. – 384 с.*)

Аннотация: Настоящая публикация является рецензией на первый за почти 100 лет новый перевод «Метафизики» Аристотеля на русский язык: *Аристотель. Метафизика / Перевод с древнегреческого, вступительная статья и комм. А.В. Маркова. Москва: РИПОЛ классик, 2018. – 384 с.* Рассматриваются принципы этого издания, его возможные цели, а также дается подробный комментарий текста первой главы книги первой (альфа) «Метафизики», при этом перевод А.В. Маркова сопоставляется с греческим оригиналом. Я показываю, что предложенное Марковым издание не может считаться серьезным переводом в хоть сколько-нибудь приемлемом смысле этого слова, более того, зачастую оно даже не представляет собой связный текст.

Ключевые слова: античная философия, Аристотель, «Метафизика», русский перевод, А. Марков, рецензия.

*«Отсутствие сил и возможностей – это
бессильная невозможность»*
«Метафизика» в переводе А.В. Маркова. С. 220.

Переводы Аристотеля на русский язык – дело редкое, и «Метафизика» не составляет здесь исключения. До настоящего момента в нашем распоряжении были прежде всего переводы А.В. Кубицкого, 1934 г. (а также т. наз. «перевод Кубицкого под редакцией М.И. Иткина», 1976 г.)¹; А.Ф. Лосева, 1929 г. («Метафизика», XIII–XIV)²; П.Д. Первова и В.В. Розанова, 1893–1895 г. («Метафизика», I–V)³, все с последующими переизданиями.

Для сравнения: с начала XX в, на английском языке появилось пять полных и около десяти частичных переводов «Метафизики», на немецком – восемь полных и, как минимум, два частичных; на французском – три полных и более десяти частичных, и это не учитывая многочисленные переработанные переиздания.

Необходимость в новом русском издании «Метафизики», таким образом, более чем назрела, и любой попытке такого нового издания следует уделить самое пристальное внимание, даже если она сделана, как в случае А.В. Маркова, не замеченным до сих пор особенно в изучении Аристотеля человеком. Его перевод «Метафизики» является первым за последние почти 100 лет полным переводом на русский язык сочинения Аристотеля о первой философии.

– 1 –

Первое, что замечаешь при обращении к изданию, подготовленному Марковым, – его весьма небольшой объем. Беглый осмотр книги позволяет немедленно обнаружить причину такого объема: текст полностью лишен примечаний или каких-либо пояснений⁴. Этот факт

¹ *Аристотель. Метафизика* / Пер. А.В. Кубицкого. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934; *Аристотель. Метафизика* / Пер. А.В. Кубицкого под ред. М.И. Иткина // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1975. С. 63–367.

² *Аристотель. Метафизика. Книги XIII–XIV* / Пер. и ком. А.Ф. Лосева // Лосев А.Ф. Критика платонизма у Аристотеля. М., 1929.

³ *Аристотель. Метафизика (I–V книги)* / Пер. П.Д. Первова и В.В. Розанова // Журнал Министерства народного просвещения. 1890, 1893, 1895.

⁴ Это странно тем более, что на титуле книги мы читаем «Перевод с греческого, вступительная статья и комментарии А.В. Маркова» (курсив мой – А.Ю.). Возможно, под «комментариями» подразумевается расположенный в конце издания пятистраничный «Словарь», в который входят, например, такие статьи: «Ахилл – герой, персонаж "Илиады" Гомера, сторона ахейцев», «Спев-

делает его по-своему историческим: из более чем 50 известных мне переводов «Метафизики» на новые языки, до сих пор не было ни одного, выполненного совсем без комментария. Что неудивительно: примечания в случае подобных произведений не являются ученой прихотью, но представляют собой способ сделать сложный технический текст доступным для понимания далекого от проблем афинской философии IV века читателя и, таким образом, составляют неотъемлемую часть именно *перевода* – если только при переводе мы ставим задачу максимально адекватно донести до читателя смысл текста. Но может быть переводчику удалось обнаружить более удачный способ решения этой задачи? Или же перед ним стояла некая иная цель? В любом случае объяснение мотивов переводчика, оставившего читателя наедине с текстом Стагирита, вероятно, следует искать во введении к изданию.

Многого из введения почерпнуть, однако, не удастся. Марков начинает с краткого описания исторических обстоятельств появления и устройства «Метафизики» как текста. Эти обстоятельства описываются им без ссылок на источники, зато с удивительной смелостью: пестрая *стоя* характеризуется как «торговый центр»; *перипатос* объявляется «верандой»; Андроник Родосский оказывается наделенным однозначной мотивацией для издания трудов Аристотеля – конкуренцией со стоиками и т. д. Далее автор коротко касается влияния «Метафизики» на историю европейской философии, после чего переходит к сравнению своего перевода с переводом Кубицкого, утверждая, что тот невозможно терпеть «после Мандельштама и Пастернака, Платонова и Набокова» (С. 8), и упрекая переводчика в том, что он перевел «как бы связный научный текст» (С. 7). После критики перевода Кубицкого Марков перечисляет те издания «Метафизики», которыми он пользовался, а также некоторые другие работы, ставшие «теоретической основой» его издания. В завершении введения он намеревается сказать «немного о содержании книги» (С. 12), но так и не делает этого. На этом 8 страниц введения подходят к концу.

Как видно из этого синопсиса, об исчерпывающем объяснении подхода Маркова к тексту Аристотеля говорить не приходится. Почти все сказанное в этом отношении брошено вскользь и не пояснено хоть сколько-нибудь основательно. Почему нет примечаний? Текст

сипп – племянник Платона и преемник его по Академии, сделавший Академию платной», «Сократ – чаще выступает как условное имя, обычное в силлогизмах Аристотеля», «Клеон – полуусловное имя, можно перевести как Славник», и т. п.

какого именно критического издания взят за основу? Сам Марков упоминает издания Росса и Йегера – но чей текст он использовал как основной? Насколько близким к тексту он пытается сделать свой перевод? Ни один из этих вопросов не затрагивается. Любой читатель, освоивший введение, приступит к тексту с самыми смутными представлениями о том, что же за перевод ему предлагается.

Впрочем, отдельные ориентиры перевода Маркова все же можно дедуцировать из его кратких замечаний. Среди них можно выделить: стремление к хорошему русскому языку; стремление передать «лекционность» текста «Метафизики»; деконструктивистский подход. За неимением более подробных указаний переводчика я предлагаю начать оценку настоящего издания с рассмотрения того, насколько Марков достигает этих поставленных им самим целей.

Стремление к хорошему русскому языку похвально. Однако, остается непонятным, что подразумевает Марков под языком «после Мандельштама и Пастернака, Платонова и Набокова». Так, он с гордостью говорит, что в его переводе – «только русские слова», и что, в отличие от Кубицкого, у него нет «никаких "усмотрений" и "значимостей"» (С. 8). При этом остается неясным, что именно он понимает под «только русскими словами». Можно подумать, что речь идет о том, чтобы перевести Аристотеля на *современный* русский язык, а не, например, русский язык конца XIX в. В пользу этого свидетельствует и то, что Марков периодически пытается заставить автора «Метафизики» говорить на языке близких нам реалий: где у Аристотеля идут «в Одеон» у Маркова – «на концерт» (С. 100); где Аристотель раскладывает слог «ζα» на «σ, δ, α»; Марков раскладывает «ща» на «щ-ш-а» (С. 47); «триера» у Маркова часто поясняется как «крейсер»; «кифара» однажды становится «скрипкой» (С. 232), «плащ» – «пальто» (С. 166); «повар» – «шеф-поваром» (С. 153); «мастер» (τεχνίτης) нарекается «технологом (провизором)» (С. 111) и т.д. Однако если задачей перевода действительно было дать Аристотеля исключительно на современном русском языке, то Марков с ней, к сожалению, не справляется: на первой же странице его перевода вместо «воспоминаний» появляются «памятования», а далее в тексте встречаются «кривда», «разумение», «радетели», «помыслы», «речения», «страсти» (в смысле переживаний); «землеустройство» (в смысле «геометрия»), и т.д.

Однако, возможно, Марков имеет в виду нечто другое, и под «русскими» словами надо понимать не «современные русские», а русские в противоположность иностранным – никаких «энергий», «универсалий» и т.д. Если так, то и в этом случае переводчик не пре-

успел: «энергий» и «универсалий» у него действительно нет, зато $\lambda\upsilon\omicron\varsigma$ он почти всегда передает как «формула», $\xi\acute{\xi}\iota\varsigma$ сначала как «имение (габитус)», а потом и просто как «габитус»; $\delta\upsilon\nu\alpha\mu\iota\varsigma$ («возможность») как «динамика» (!); ксенократовы $\acute{\alpha}\tau\omicron\mu\omicron\iota$ $\gamma\rho\alpha\upsilon\tau\iota\alpha\iota$ («неделимые линии») становятся «атомарными линиями» (С. 45)⁵; в тексте регулярно встречаются «омонимы», «синонимы», «элементы» и т. п.

Но не будем придавать слишком большого значения не очень ясному обещанию «только русских слов». В конце концов, важнее не подбор отдельных терминов, а общая картина. Удастся ли Маркову заставить Аристотеля говорить на русском «так, как говорят после Мандельштама и Платонова» (С. 8)? Если отсылку к перечисленным литераторам следует понимать в смысле богатства, современности и точности речи, то перевод Кубицкого сильно выигрывает у Маркова хотя бы потому, что не содержит в себе неграмматичных⁶ предложений, которыми у Маркова пестрит и введение, и текст перевода⁷: «...Аристотель очень несовершенный логик, которого надо все время пояснять, что он хотел сказать» (С. 10–11); «Вот все, что нам дали первые и далее философы» (С. 32); «Получается, что и говоря и не говорят они о добре...» (С. 36); «Если идеи числа, то как они причины?» (С. 43); «...считается, что существование не доказуемо ни для чего-либо» (С. 64); «Это никуда!» (С. 70), «...сам такой человек должен признать, что лжется» (С. 94); «А если они скажут, что это двойные звуки, а дам два звука, то причина, что места три, и здесь всякий раз присоединяется посвист-шипение» (С. 376)⁸.

И даже когда в тексте нет прямых грамматических ошибок, он часто выглядит очень странно: удивительное сочетание разговорных просторечий⁹ и глубокой архаизации синтаксиса¹⁰ и лексики¹¹, иногда

⁵ При том, что сам $\acute{\alpha}\tau\omicron\mu\omicron\varsigma$ («атом») он переводит как «особь».

⁶ Я употребляю этот термин в том смысле, в каком он используется в современной (прежде всего генеративной) лингвистике – см., напр., *Лайонз Д. Введение в теоретическую лингвистику*. М., 1978. С. 153–167.

⁷ Далее при цитировании я тщательно сохраняю авторскую пунктуацию.

⁸ Этот далеко не полный список из соображений компактности ограничен краткими предложениями, – как сказано у самого Маркова: «И еще тысячи всего получается» (С. 40 и С. 334).

⁹ Ср.: «так или сяк» (С. 116); «Эмпедокл не пойми что напел» (С. 26); «...иначе у нас получится всякое разное» (С. 192); «Сейчас все сформулируем как надо» (С. 69); «...дайте вещам спокойно пожить» (С. 322); «...последователи Антиффена... зашли в тупик и тупят...» (С. 209) и проч.

¹⁰ Напр.: «Тогда мы говорим, что знаем каждую вещь, когда думаем, что знаем первопричину» (С. 23); «И не дают они отчет, как за числами идут длины...» (С. 46); «...дом и строитель не вместе гибнут» (С. 112); «Много значений у

доходящей почти до лубочности¹²; разорванные периоды¹³, необъяснимый выбор слов¹⁴ и их порядок¹⁵, странные способы согласования¹⁶ и т.д. При этом совершенно не понятно, почему Марков выбирает для своего перевода такой необычный язык. Хочет ли он придать переводу «устный», «лекционный» характер, который, по его мнению, имеет текст «Метафизики»? Если так, то подразумевает ли он, что имеющиеся в греческом тексте неровности – это результат «устного» греческого стиля? В таком случае он просто не прав: хотя связь трудов Аристотеля с его лекционной деятельностью всегда была очевидна, никто из серьезных исследователей никогда не считал, что в дошедших до нас текстах мы имеем дело со стенограммой лекции, и уж тем более никто никогда не выдвигал тезиса о «разговорности» или «устности» языка Аристотеля.

Но может быть Марков сказал бы, что стилистические особенности его перевода – это результат деконструктивистского подхода к трактату Аристотеля, о котором он упоминает во введении? Однако, как и в большинстве иных случаев, совершенно не понятно, что имеет в виду Марков, когда говорит, что он «следует современной постструктуралистской деконструкции». Он упоминает о ней в двух мес-

---

слова «одно»: и природная ширь, и крепкая целостность...» (С. 244) и т.д.

¹¹ «Божественно высится над науками та, которой сам Бог бы занялся и которая о божественных вещах» (С. 22); «Эмпедокл... так и такие нарек начала» (С. 27); «Поэтому нет нам проку...» (С. 309); «геометры... не погрешают против предпосылок...» (С. 364) и т.д.

¹² «Стародавняя древность передала нам в облики сказания...» (С. 317), «путь-дорога» (С. 368) под «небом-поднебесьем» (С. 99).

¹³ «Те, кто признают много причин, у тех лучше получается говорить» (С. 25); «Только если в вещах какая-то лучше, какая-то хуже, то которая лучше, та первее» (С. 69); «Знак этого, как диалектики и софисты принимают обличье философов» (С. 85) и т.д.

¹⁴ «При этом сущность остается, только с ней происходят разные страсти» (С. 23); «Так думал и Парменид: изготавливая, как все возникло, он говорит...» (С. 26); «Эти философы из материи придумывают многое, а вид у них единожды только производителен» (С. 34); «Так же можно формулировать, перепрыгнув к уже сбывшемуся» (С. 155), и т.д.

¹⁵ «Алкмеон стал взрослым, когда Пифагор уже был стариком, а заявлял он как они» (С. 30); «Если не одна, то нашу науку закрепим за каким именно существованием?» (С. 63); «...тупики те же самые ждут, хоть смешивай, хоть расставляй, хоть взбалтывай, хоть производи, что хочешь делай» (351) и т.д.

¹⁶ К примеру, «Самые точные из наук – которые больше всего о первых вещах» (С. 20); «Она такого качества дважды» (С. 22); «Он говорит, что по два большая часть человеческих дел» (С. 30); «А для начал, названные философами, одно и многое вообще роды» (С. 85).

тах. В первом он говорит, что не будет, как Лосев, пользоваться при переводе Аристотеля восполнением недостающих в тексте слов в квадратных скобках, потому что деконструкция «покончила с этим прогрессизмом, показав, сколь новым и продуктивным было предприятие Аристотеля для своего времени, и как воссоздав Аристотеля-лектора, можно придать развитию мысли особую новизну, возобновив сам инструментарий философского рассмотрения» (С. 11), что возвращает нас к идее Аристотеля-лектора, но мало что сообщает о роли деконструкции в подходе Маркова. Второй раз деконструкция возникает в тексте, когда Марков говорит о том, «что, к сожалению, ускользало до эпохи деконструкции, что Аристотель реально или мысленно рисовал на лекциях таблицы или диаграммы» (С. 12).

Что Аристотель сопровождал свое рассуждения «таблицами» или «диаграммами», едва ли могло ускользнуть от кого-либо знакомого с его трудами – поскольку он сам прямо на это указывает¹⁷. Либо Марков осведомлен в этих вопросах хуже, чем хочет показать, либо в его глазах «эпоха деконструкции» начинается поразительно рано. В любом случае, из его слов не становится понятнее, что именно он подразумевает под «постструктуралистской деконструкцией» и ее применением к тексту Аристотеля.

– 2 –

В свете сказанного у читателя могло сложиться впечатление, что главная проблема перевода Маркова – это тот факт, что в нем, несмотря на высокую степень нетривиальности, отсутствуют какие бы то ни было внятные объяснения и обоснования этой нетривиальности. И хотя это действительно важный недостаток этого издания, главная его проблема заключается все же не в этом; она – в самом переводе.

Признаюсь, я долго думал над тем, как показать читателю тот экстраординарно плохой уровень перевода, который демонстрирует издание Маркова. Если бы я привел несколько особенно вопиющих случаев бессмысленного и невозможного перевода, свидетельствующих одновременно о непонимании (или игнорировании) переводчиком мысли Аристотеля и о незнании (или игнорировании) им базовых правил греческой грамматики, то это не дало бы читателю представ-

---

¹⁷ Напр., E.N. 1107a33; E.E. 1220b37; De Int. 19b26-20a15. Вообще же это довольно известная в классическом аристотелеведении тема, см., например, Einarson B. On Certain Mathematical Terms in Aristotle's Logic: Part II. P. 166–170 // The American Journal of Philology. 1936. Vol. 57. No. 2. P. 151–172.

ления о том, насколько таких случаев в тексте много. Если бы я сказал, что перевод Маркова демонстрирует на одну страницу текста в среднем около десяти грубейших ошибок; что текст перевода по большей части бессмысленен и в нем едва узнается Аристотель; что в иных случаях кажется, будто переводчик не только не владеет греческим, но и русским распоряжается не вполне уверенно, то читатель наверняка счел бы это преувеличением. С другой стороны, у меня просто нет возможности перечислять все ошибки этого перевода. Поэтому ниже я попытаюсь дать читателю представление о качестве перевода на основании его репрезентативной выборки, подробно разобрав текст всего *одной* главы перевода. Я выбрал для этого самую первую главу «Метафизики».

«Все люди от природы охотники до знания»¹⁸.

Перевод в данном случае не прямо ошибочный, однако довольно странный. «Все люди по природе стремятся к знанию» предлагают здесь все русские переводы. Зачин «Метафизики» уже отлился в самостоятельный афоризм, известный даже тем, кто никогда не держал книг Аристотеля в руках. Почему же Марков решает передать ὀρέγονται как «охотники до»? Было бы понятно, если бы он предложил иной перевод, например, для τὸ εἰδέναι («знание»), например, если бы передал эту форму глаголом, чтобы указать на то, что здесь перед нами субстантивированный инфинитив. Или если бы в духе Сисера или Библихина (т.е. в итоге – в духе Хайдеггера) он попытался отразить в своем переводе этимологию «видения», которая есть в греческом εἰδέναι. В этом случае была бы ясна стоящая за таким переводом интенция. Но в случае перевода ὀρέγονται как «охотники до» я не могу понять, чем руководствовался переводчик. Дело даже не в том, что «стремиться» в целом исключительно удачный перевод для ὀρέεσθαι, просто не ясно, что дает именно такой перевод («охотники до») в данном случае. Подобные переводческие решения – и не слишком удачные, и не поддающиеся в своей загадочности никакому разумному объяснению – составляют характерную черту перевода Маркова и встречаются едва ли ни в каждом предложении. Я останавливаюсь здесь на этом подробно, чтобы четко указать: далее за недостатком места я буду избегать критики подобных «странных» решений переводчика, ограничиваясь указанием только на прямые *ошибки* перевода.

¹⁸ Met. I (A) 1, 980a21: πάντες ἄνθρωποι τοῦ εἰδέναι ὀρέγονται φύσει.

«Примета этого – чувственное восхищение: без всякой пользы люди любят чувствовать ради чувства, особенно смотреть. Мы не только в работе, но и когда не собираемся работать (πράττειν), предпочитаем смотреть, а не что-то другое делать»¹⁹.

Перевод αἰσθήσεων ἀγάπησις как «чувственное восхищение» (вместо «любовь к чувственным восприятиям») и χωρὶς τῆς χρείας как «без всякой пользы» (вместо «в отсутствии непосредственной нужды»), на мой взгляд, не точны и сбивают читателя с толку, но я не буду отдельно критиковать ни их, ни эквивалентные им решения ниже. То же самое можно сказать и относительно удивительного синтаксиса фразы «предпочитаем смотреть, а не что-то другое делать» (в греческом тексте оборота с таким синтаксисом нет), а также граничащего с прямой ошибкой перевода πράττειν («делать», «поступать») как «работать». Но вот выпуск частицы γάρ («ведь») и оборота ὡς εἰπεῖν («так сказать») – особенно в перспективе того, как Марков обращается с текстом Аристотеля впоследствии – это уже тревожный симптом.

«Среди всех чувств лучше всего зрение помогает познанию, показывая нам все возможные различия вещей. От природы все живые существа умеют пользоваться чувствами, но только у одних это доходит до памяти, а у других не доходит. Последние умнее и учнее тех, кто не умеет помнить. Бывают умные, но не знающие учебы: нельзя научиться, если не умеешь воспринимать звуки. Таковы пчелы и некоторые другие роды живых существ. Учатся те, кто кроме памяти имеют чувство слуха»²⁰.

На фоне текста издания в целом этот отрывок переведен вполне удовлетворительно. Правда, здесь вновь опускаются части греческого текста – αἴτιον δ' ὅτι («причина этого в том, что...») и καὶ διὰ τοῦτο («и поэтому»), а синтаксис третьего периода подвергается странной модификации. Но, пожалуй, серьезного урона связности текста это не

---

¹⁹ Met. 980a21–26: σημείον δ' ἡ τῶν αἰσθήσεων ἀγάπησις· καὶ γὰρ χωρὶς τῆς χρείας ἀγαπῶνται δι' αὐτάς, καὶ μάλιστα τῶν ἄλλων ἢ διὰ τῶν ὀφθαλμῶν, οὐ γὰρ μόνον ἵνα πράττωμεν ἀλλὰ καὶ μηθὲν μέλλοντες πράττειν τὸ ὄραν αἰρούμεθα ἀντὶ πάντων ὡς εἰπεῖν τῶν ἄλλων.

²⁰ Met. 980a26–b24: αἴτιον δ' ὅτι μάλιστα ποιεῖ γνωρίζειν ἡμᾶς αὕτη τῶν αἰσθήσεων καὶ πολλὰς δηλοῖ διαφοράς. φύσει μὲν οὖν αἴσθησιν ἔχοντα γίνονται τὰ ζῶα, ἐκ δὲ ταύτης τοῖς μὲν αὐτῶν οὐκ ἐγγίγνεται μνήμη, τοῖς δ' ἐγγίγνεται. καὶ διὰ τοῦτο ταῦτα φρονιμώτερα καὶ μαθητικώτερα τῶν μὴ δυναμένων μνημονεῦειν ἐστί, φρόνιμα μὲν ἄνευ τοῦ μαθᾶναι ὅσα μὴ δύναται τῶν ψόφων ἀκούειν (οἷον μέλιττα κἂν εἴ τι τοιοῦτον ἄλλο γένος ζῶων ἐστί), μαθᾶναι δ' ὅσα πρὸς τῇ μνήμῃ καὶ ταύτην ἔχει τὴν αἴσθησιν.

наносит. Единственное мое замечание касается перевода μαθητικότερα как «ученее». В современном русском языке «ученый» описывает того, кто уже обладает знанием, тогда как Аристотель говорит о способности знание приобретать, т.е. о ком-то «восприимчивом к обучению».

«А другие живут фантазиями и памятованиями, а к опыту почти не обращаются. А человеческий род умеет также быть искусным и рассудительным. От памяти в людях рождается опыт: многократно запомненная одна и та же вещь приобретает силу опыта. Знание и изготовление вещей тоже близки опыту, потому что если люди приобрели опыт, то они лучше справляются с задачами наук и искусств («готовок»)»²¹.

Если до сих пор мы имели дело со странным, но все же более-менее близким если не к тексту, то к мысли Аристотеля переводом, то начиная с 980b25, текст Маркова становится именно таким, каким он останется на протяжении большей части этого издания «Метафизики».

1) Первый период этого фрагмента строится на типичной для греческой грамматики конструкции τὰ μὲν οὖν... τὸ δὲ, обозначающей противопоставление животных людям: в то время как другие животные живут так-то, люди живут так-то, – и отдельную по отношению к предыдущему периоду мысль. Тот факт, что текст Маркова начинает эту мысль «А другие живут...» показывает, что он считает, что τὰ ἄλλα – это «другие» животные по сравнению с теми, о ком речь шла в предыдущем предложении (а не по сравнению с людьми, о которых речь дальше), что невозможно грамматически. Давать в переводе синтаксис, прямо разрывающий логические связи оригинала – это уже не просто эксцентрическая черта перевода, это грубая ошибка.

2) Приведенное рассуждение Аристотеля касается прежде всего понятия τέχνη (искусства, умения). Однако все три раза, которые это слово встречается в тексте, Марков переводит его по-разному. Там, где у Аристотеля человеческий род «пользуется в своей жизни искусством» у Маркова он «умеет быть искусным» (?). Затем τέχνη становится «изготовлением вещей», что является очевидной ошибкой для

²¹ Met. 980b25–981a3: τὰ μὲν οὖν ἄλλα ταῖς φαντασίαις ζῆ καὶ ταῖς μνήμαις, ἐμπειρίας δὲ μετέχει μικρόν: τὸ δὲ τῶν ἀνθρώπων γένος καὶ τέχνη καὶ λογισμοῖς. γίγνεται δ' ἐκ τῆς μνήμης ἐμπειρία τοῖς ἀνθρώποις: αἱ γὰρ πολλαὶ μνήμαι τοῦ αὐτοῦ πράγματος μιᾶς ἐμπειρίας δύναμιν ἀποτελοῦσιν. καὶ δοκεῖ σχεδὸν ἐπιστήμη καὶ τέχνη ὅμοιον εἶναι καὶ ἐμπειρία, ἀποβαίνει δ' ἐπιστήμη καὶ τέχνη διὰ τῆς ἐμπειρίας τοῖς ἀνθρώποις.

любого, кто хотя бы дочитает данную главу «Метафизики» до конца и найдет там обсуждение «математических искусств». Наконец, третье τέχνη Марков передает как «искусство («готовка»)). Продуктивность такого пояснения сомнительна в принципе; что еще хуже, поскольку примечаний у Маркова нет, не имеющий доступа к греческому оригиналу читатель может, пожалуй, подумать, будто у Аристотеля так и сказано: искусство (готовка).

3) В последнем предложении пропущено δοκεῖ σχεδόν («представляется что, пожалуй»). Возможно, переводчик не видит разницы между осторожной апелляцией к общему мнению и категоричным утверждением. Такая разница, однако, есть, и для Аристотеля она всегда важна.

4) Весь фрагмент «если люди приобрели опыт, то они лучше справляются с задачами наук и искусств («готовок»))» является выдумкой переводчика. Аристотель говорит: «наука и искусство возникают у людей вследствие опыта», т. е. обосновывает подобие наук и искусств опыту тем, что первые возникают при посредстве последнего. У Маркова же эта связь обосновывается тем, что опыт улучшает степень нашего владения науками и искусствами. Не то, чтобы это невозможная мысль, но это *не та* мысль, которую высказывает Аристотель.

«Искусное изготовление вещей рождается, когда из множества замечаний о происходящем возникает общая предпосылка для сходных решений»²².

1) Прогрессивное δὲ («же») в начале фразы выпущено из перевода, что разрывает связь с предыдущим обсуждением искусства: у читателя может сложиться ошибочное впечатление, будто это какая-то новая мысль, а не продолжение предыдущей. Это впечатление усиливается оттого и, что τέχνη опять, уже в 5 раз за 5 употреблений переводится по-новому: теперь это «искусное изготовление вещей».

2) До сих пор слово ἐμπειρία переводилась Марковым как «опыт», теперь оно – «происходящее». Не говоря уже о том, что такой перевод попросту невозможен, он наглядно показывает способ обращения переводчика с мыслью Аристотеля. Начиная с 980b25, рассуждение посвящено соотношению опыта и искусства. Между тем ни тому, ни другому предмету обсуждения текст Маркова не считает дать нужным устойчивого перевода.

---

²² Met. 981a5–7: ἡ μὲν γὰρ ἐμπειρία τέχνην ἐποίησεν, ὡς φησὶ Πῶλος, ἡ δ' ἀπειρία τύχην.

«Пока мы исходим из того, что когда Каллий болел, помогло такое-то лекарство, и оно помогло Сократу и еще многим – это только опыт. Но если мы определяем это лекарство при болезни всем людям такого-то вида, скажем, всем флегматикам или холерикам при высокой температуре – это уже искусство»²³.

Не буду говорить о вольном обращении с грамматикой, пропуске целых частей текста (γάρ, καθ' ἑκάστων) и произвольном добавлении других («только», «уже»). Что действительно интересно – это оборот «если мы определяем это лекарство...». Глагола «определяем» в этой форме в оригинале нет; у Аристотеля эллипс, легко восстанавливаемый из предыдущей части предложения: «ведь иметь представление, что Каллию при такой-то болезни помогло вот это лекарство... – дело опыта, а [иметь представление], что оно помогает всем таким-то людям, в пределах одного вида при такой-то болезни... – это дело искусства». Откуда же Марков берет «определяем»? Похоже, что он счел причастие ἀφορισθεῖσι (от ἀφορίζω, «определять, ограничивать») личной глагольной формой. Соответствующего ἀφορισθεῖσι слова нет на своем месте в русском тексте; вместо него встречается отсутствующий в греческом глагол в личной форме с тем же значением. Если эта догадка верна, то очень похоже, что Марков не способен опознать в греческом тексте базовые грамматические формы.

«В работе мы не отличим опыт от искусства, более того, опытные лучше тех, кто не наблюдает за происходящим, а умеет только формулировать»²⁴.

1) Осторожное δοκεῖ («кажется») Аристотеля опять пропущено.

2) «καὶ μᾶλλον ἐπιτογχάνοντας ὁρῶμεν τοὺς ἐμπείρους τῶν ἄνευ τῆς ἐμπειρίας λόγων ἐχόντων» текст Маркова передает как «опытные лучше тех, кто не наблюдает за происходящим, а умеет только формулировать». В оригинале сказано: «мы видим, что опытные преуспевают [в практических делах] более, чем те, кто, не имея опыта, обладает лишь понятиями». Марков же опускает «мы видим», но зато «не имеющие опыта» у него превращаются в «тех, кто не наблюдает за происходящим», которых у Аристотеля нет. Я могу предложить это-

²³ Met. 981a7–12: τὸ μὲν γὰρ ἔχειν ὑπόληψιν ὅτι Καλλία κάμνοντι τῆνδὶ τὴν νόσον τοῦδὶ συνήνεγκε καὶ Σωκράτει καὶ καθ' ἑκάστων οὕτω πολλοῖς, ἐμπειρίας ἐστίν: τὸ δ' ὅτι πᾶσι τοῖς τοιοῖσδε κατ' εἶδος ἐν ἀφορισθεῖσι, κάμνουσι τῆνδὶ τὴν νόσον, συνήνεγκεν, οἷον τοῖς φλεγματώδεσιν ἢ χολώδεσι πυρέττουσι καύσῳ, τέχνης.

²⁴ Met. 981a12–15: πρὸς μὲν οὖν τὸ πράττειν ἐμπειρία τέχνης οὐδὲν δοκεῖ διαφέρειν, ἀλλὰ καὶ μᾶλλον ἐπιτογχάνοντας ὁρῶμεν τοὺς ἐμπείρους τῶν ἄνευ τῆς ἐμπειρίας λόγων ἐχόντων.

му два возможных объяснения. Либо переводчик принял личную глагольную форму ὁρῶμεν, «мы видим», относящуюся ко всем людям вообще, за причастную форму (ὁρῶμένων?), «наблюдающие», относящуюся к тем, у кого нет опыта. Либо он следовал греческому тексту издания не Йегера, а Росса, который исключает ὁρῶμεν из текста и печатает μάλλον ἐπιτυγχάνουσιν οἱ ἔμπειροι τῶν ἄνευ τῆς ἐμπειρίας..., переводя οἱ ἔμπειροι («опытные») и οἱ ἄνευ τῆς ἐμπειρίας («те, у кого нет опыта») как «опытные» и «те, кто не наблюдает за происходящим», т. е. без всякой связи одного с другим. Если верно первое, то предложенный перевод безграмотен; если второе – то неадекватен.

«Просто опыт позволяет знать отдельные события, а искусство – общие правила. Когда же мы работаем или когда возникает что-то новое, всегда имеем дело с отдельными вещами»²⁵.

1) τὰ καθόλου (универсалии) – это все же нечто иное, нежели «общие правила».

2) «ἐμπειρία τῶν καθ’ ἕκαστόν ἐστι γνῶσις ἢ δὲ τέχνη τῶν καθόλου» означает: «опыт есть знание отдельных вещей, а искусство есть знание универсалий». Возможно, Маркову не ясна разница между «опыт позволяет знать» и «опыт представляет собой знание». Она, однако, есть.

«Врач не лечит человека, разве что словом «человек» мы будем обозначать свойства, но лечит Каллия или Сократа или кого-то еще по имени, кому случилось оказаться человеком»²⁶.

1) Перевод ἀλλ’ ἢ κατὰ συμβεβηκός как «разве что словом «человек» мы будем обозначать свойства» одновременно ошибочен и лишен смысла. Это типичнейшее аристотелевское выражение означает «разве что акцидентальным образом». Συμβεβηκός в тексте Маркова переведено как «свойство», после чего придумано целых пять отсутствующих в тексте слов («словом «человек» мы будем обозначать»), чтобы как-то присовокупить «свойства» к сказанному ранее. В итоге у Маркова получается, что если словом «человек» мы будем обозначать свойства, то сможем сказать, что врач лечит человека – т. е. врач лечит свойства (что особенно интересно ввиду того, что весь кон-

---

²⁵ Met. 981a15–18: πρὸς μὲν οὖν τὸ πράττειν ἐμπειρία τέχνης οὐδὲν δοκεῖ διαφέρειν, ἀλλὰ καὶ μάλλον ἐπιτυγχάνοντας ὁρῶμεν τοὺς ἐμπείρους τῶν ἄνευ τῆς ἐμπειρίας λόγον ἔχόντων.

²⁶ Met. 981a18–20: οὐ γὰρ ἄνθρωπον ὑγιάζει ὁ ἰατροῦων ἀλλ’ ἢ κατὰ συμβεβηκός, ἀλλὰ Καλλίαν ἢ Σωκράτην ἢ τῶν ἄλλων τινὰ τῶν οὕτω λεγομένων ᾧ συμβέβηκεν ἀνθρώπων εἶναι.

текст рассуждения прямо подразумевает, что врач лечит отдельных конкретных людей: Каллия, Сократа).

2) Конструкция «врач лечит кого-то еще по имени, кому случилось оказаться человеком» неграмматична.

3) Экспликативная частица γάρ, указывающая на то, что это предложение является пояснением предыдущего, вновь опущена.

«Если кто-то знает формулу, но не знает, что происходит, то он знает только общее, а в отдельных событиях разобраться не может, и поэтому часто ошибается при назначении лечения: лечим мы каждый раз разное»²⁷.

1) Здесь, после уже традиционного уже пропуска οὖν («поэтому»), ἄνευ τῆς ἐμπειρίας («будучи лишенным опыта») переводится как «не знает, что происходит». По какой-то причине Марков продолжает переключаться между переводом ἐμπειρία как «опыт» и как «то, что происходит». Первый перевод верен, второй невозможен.

2) По Маркову, грамматическая структура переводимого предложения выглядит так: «Если кто-то знает..., то он знает... и поэтому ошибается...». На самом же деле предложение имеет структуру: «Если кто-то знает... и знает..., то он ошибается...». Иными словами, видимо, Марков, не разобравшись в границах условного периода, просто выдумывает какой-то свой синтаксис.

3) Переводить θεραπευτὸν γὰρ τὸ καθ' ἕκαστον как «лечим мы каждый раз разное» – значит не понимать, о чем идет речь. Аристотель говорит, что мы лечим «единичное» – Сократа и Каллия, а не человека вообще, – а вовсе не что объекты нашего лечения всегда различаются. Сам же Марков всего несколькими строками выше дважды перевел τὸ καθ' ἕκαστον более-менее правильно как «отдельные вещи» и «отдельные события». И вдруг – «каждый раз разное». Учитывая, что τὸ καθ' ἕκαστον – одна из самых частых технических формулировок в философии Аристотеля, я не могу понять, как в тексте могла возникнуть подобная ошибка.

«Но мы понимаем, что для знания и назначения искусство важнее опыта, потому что кто учился искусству, тот мудрее наблюдателя, и сами знания такого человека всегда шествуют за мудростью»²⁸.

²⁷ Met. 981a20–24: ἐὰν οὖν ἄνευ τῆς ἐμπειρίας ἔχη τις τὸν λόγον, καὶ τὸ καθόλου μὲν γνωρίζῃ τὸ δ' ἐν τούτῳ καθ' ἕκαστον ἀγνοῖ, πολλακίς διαμαρτήσεται τῆς θεραπείας: θεραπευτὸν γὰρ τὸ καθ' ἕκαστον.

²⁸ Met. 981a26–27: ἀλλ' ὁμως τὸ γε εἶδέναι καὶ τὸ ἐπαίειν τῇ τέχνῃ τῆς ἐμπειρίας ὑπάρχειν οἰόμεθα μᾶλλον, καὶ σοφωτέρους τοὺς τεχνίτας τῶν ἐμπείρων

Марков 1) переводит союз καὶ («и») как «потому что», вновь вводя в текст логические связи, которых там нет; 2) вовсе не переводит ὑπολαμβάνομεν («мы полагаем»); 3) οἰόμεθα переводит как «понимаем» (вместо «полагаем», «думаем»), в очередной раз демонстрируя нечувствительность к разнице между осторожной апелляцией к общему мнению и уверенной констатацией факта; 4) ἐμπειρία переводит как «опыт», но тут же ἐμπειρὸς («опытный») – как «наблюдатель»; 5) ἐπαίειν переводит как «назначение», что не только невозможно (у ἐπαίειν нет такого значения), но и дает бессмысленный текст (что бы могло значить «искусство важнее опыта для назначения»?) Объяснить подобные решения становится все менее возможно.

6) Нет никакой возможности передать фразу Аристотеля «ὡς κατὰ τὸ εἰδέναι μᾶλλον ἀκολουθοῦσαν τὴν σοφίαν πᾶσι» так, как это делает Марков. Судя по переводу, ἀκολουθοῦσαν понимается как личная форма глагола третьего лица множественного числа («они следуют», у Маркова – «шествуют за»), подлежащим при котором являются «знания» (τὸ εἰδέναι); эти знания (к которым добавляются отсутствующие в греческом тексте «сами» и «такого человека») следуют за «мудростью», τὴν σοφίαν; πᾶσι Марков, следует полагать, передает словом «всегда».

Все перечисленное грамматически невозможно: τὸ εἰδέναι не может быть подлежащим, поскольку стоит после предлога κατὰ в винительном падеже, а ἀκολουθοῦσαν не может быть личной глагольной формой, являясь причастием, согласованным с τὴν σοφίαν – не «знания следуют за мудростью», а, наоборот, мудрость – за знаниями²⁹.

«Мудрый знает причины вещей, а наблюдательный не знает»³⁰

Вновь опущена фраза, с которой начинается предложение: τοῦτο δ' ὅτι («это потому что»). В результате оказывается проигнорирован контекст предыдущего предложения, из которого ясно следует, что «опытным» (которых Марков с парадоксальной настойчивостью продолжает переводить как «наблюдательных») здесь противопоставляются не «мудрые», а «причастные искусству».

«Опыт позволял знать, что происходит, но ничего не объясняет, по-

---

ὑπολαμβάνομεν, ὡς κατὰ τὸ εἰδέναι μᾶλλον ἀκολουθοῦσαν τὴν σοφίαν πᾶσι.

²⁹ Точнее говоря, не за знаниями, а за людьми, этими знаниями обладающими; важно, однако, что мудрость является субъектом, т.е. тем, что следует, а не тем, за чем нечто следует.

³⁰ Met. 981a28: τοῦτο δ' ὅτι οἱ μὲν τὴν αἰτίαν ἴσασι οἱ δ' οὔ.

чему так происходит. А знать почему так происходит – значит значить причины»³¹.

Здесь 1) ἔμπειροι («опытные») внезапно переводятся как «опыт», хотя в предыдущем предложении этот «опыт» был «наблюдателем» – что разрывает всякую логическую связь между этим и предыдущим предложением.

2) Конструкция «ничего не объясняет, почему так происходит» в русском языке невозможна: при «объясняет» бывает только одно прямое дополнение.

3) В переводе «А знать почему так происходит – значит значить причины» невозможно практически все. Марков считает οἱ δὲ τὸ διότι καὶ τὴν αἰτίαν γνωρίζουσιν отдельным предложением, представляющим собой некий следующий логический шаг после указания на то, что опыт не позволяет знать причин происходящего. На самом же деле, перед нами здесь конструкция οἱ μὲν... οἱ δὲ..., «одни... – другие же...», т. е. здесь говорится буквально «опытные знают, «что» [имеет место], но не знают почему, тогда как причастные искусству знают «почему» [так происходит[, т.е. причину [этого]». Как вместо второй части противопоставления опытных и сведущих в искусстве у Маркова получается совершенно невозможное «А знать почему так происходит – значит значить причины» – для меня тем непостижимее, что в предыдущем предложении переводчик вполне верно опознал синтаксис точно такой же конструкции «οἱ μὲν... οἱ δὲ...» (хотя и наполнил его ошибочным содержанием). В очередной раз текст Маркова демонстрирует выходящее за рамки всякой логики (даже логики ошибки вследствие незнания языка) обращение с текстом.

«Поэтому мы большую честь оказываем архитекторам, чем строителям, понимая, что архитекторы лучше все знают и лучше следуют мудрости. Ведь они знают причины изобретений»³².

Здесь я ограничусь следующими замечаниями: 1) Ни «всего», которое у Маркова «лучше знают», ни «следования» мудрости в тексте Аристотеля нет. 2) Ποιοῦμενα данном контексте невозможно перевести как «изобретения». Среди многочисленных значений глагола ποιεῖω

³¹ Met. 981a28–30: οἱ μὲν γὰρ ἔμπειροι τὸ ὅτι μὲν ἴσασι, διότι δ' οὐκ ἴσασι οἱ δὲ τὸ διότι καὶ τὴν αἰτίαν γνωρίζουσιν.

³² Met. 981a30–b2: διὸ καὶ τοὺς ἀρχιτέκτονας περὶ ἕκαστον τιμωτέρους καὶ μᾶλλον εἶδέναι νομίζομεν τῶν χειροτεχνῶν καὶ σοφωτέρους, ὅτι τὰς αἰτίας τῶν ποιουμένων ἴσασι.

нет значения «изобретать»³³. При переводе «изобретения» мы получаем бессмыслицу: кто тут что-то изобрел – архитекторы или строители? и почему у нас вообще пошла речь об изобретениях? При этом самый обыкновенный перевод τοιοῦμενα как «то, что они делают», дает прекрасный смысл: архитектор лучше строителя знает причины, например, почему фундамент нужно класть таким, а не иным образом, и т.д.

«Поэтому мудрость приобретается не от разных работ, а от владения формулами и от знания причин»³⁴.

Марков переводит οὐ κατὰ τὸ πρακτικὸν εἶναι σοφωτέρους ὄντας как «мудрость приобретается не от разных работ». Перед нами альтернатива: либо переводчик не понял грамматики греческого текста, в результате чего подлежащим у него оказываются не «зодчие» или «люди», а «мудрость», которая у Аристотеля вообще-то является частью логического сказуемого; либо сознательно решил перевести текст вопреки грамматике. В том и другом случае для читателя перевода весьма ясная мысль Аристотеля оказалась искажена: философ говорит, что люди являются мудрыми не потому, что способны нечто делать (имея в виду: на это способны и чернорабочие), а потому что знают причину, почему это следует делать так, а не иначе (это знают только зодчие). Марков же превращает этот пассаж в высказывание о приобретении мудрости: она приобретается «не от разных работ». Возможно, Марков не видит разницы между вопросами «как приобретается мудрость» и «в чем состоит мудрость». Такая разница, однако, есть.

«Знающий опознается по умению научить других. Поэтому мы относим искусство к знанию, а не к опыту: люди искусства умеют учить, а опытные люди учить не умеют»³⁵.

Перевод фразы τὴν τέχνην τῆς ἐμπειρίας ἡγοῦμεθα μᾶλλον ἐπιστήμην εἶναι как «мы относим искусство к знанию, а не к опыту» грамматически невозможен. Верный перевод: «мы считаем, что искусство в

---

³³ Liddell H.G., Scott R.A. Greek-English Lexicon. 9th ed. Oxford, 1996. P. 1427–1429.

³⁴ Met. 981b5–6: ὡς οὐ κατὰ τὸ πρακτικὸν εἶναι σοφωτέρους ὄντας ἀλλὰ κατὰ τὸ λόγον ἔχειν αὐτοὺς καὶ τὰς αἰτίας γνωρίζειν.

³⁵ Met. 981b6–10: ὅλως τε σημεῖον τοῦ εἰδότος καὶ μὴ εἰδότος τὸ δύνασθαι διδάσκειν ἐστίν, καὶ διὰ τοῦτο τὴν τέχνην τῆς ἐμπειρίας ἡγοῦμεθα μᾶλλον ἐπιστήμην εἶναι· δύνανται γάρ, οἱ δὲ οὐ δύνανται διδάσκειν.

большей степени, нежели опыт, является знанием». Вместо очевидной структуры «скорее А, чем В, является С» Марков видит здесь «А относится к С, а не к В». Это говорит о том, что он, судя по всему, не способен опознать в тексте сравнительный оборот, даже когда тот прямо сопровождается наречием μάλλον («больше»).

«Понятно, что кто вопреки обычным чаяниям чувств открыл какое-то искусство, тот вызывает удивление у всех людей не только потому, что его открытия полезны, но потому что он мудр и не такой как все»³⁶.

1) Опуская сочетание μὲν οὖν и начиная это предложение с нового абзаца, переводчик еще сильнее обычного разрывает логическую связь между этим периодом и предыдущим.

2) Перевод παρὰ τὰς κοινὰς αἰσθήσεις как «вопреки обычным чаяниям чувств», как минимум, неясен. «Чувства» в тексте есть, «чаяния» добавляет Марков. Что такое «чаяния чувств»? Что значит сделать что-то вопреки «обычным чаяниям чувств»? Сколь ясно, что Аристотель говорит здесь об «общих» чувствах (зрении, слухе и т.д.), которые есть у всех людей (в отличие от искусства, которое кто-то должен был первым изобрести), столь непонятно, что имеет в виду Марков, и имеет ли он в виду вообще хоть что-нибудь.

«А когда изобрели больше искусств, как для нужд, так и для досуга, мы предполагаем, что эти изобретатели всегда мудрее предшествующих, потому что их знания выше пользы»³⁷.

1) Это предложение в переводе Маркова просто грамматически не согласовано.

2) ἀεὶ σοφωτέρους τοὺς τοιοῦτους ἐκείνων ὑπολαμβάνεσθαι Марков переводит как «эти изобретатели всегда мудрее предшествующих». Перевод, который одновременно был бы верным и понятным, звучал бы примерно так: «люди всегда полагали, что те изобретатели, которые открыли искусства, служащие досугу, мудрее тех изобретателей, которые открыли искусства, служащие удовлетворению необходимых потребностей». Марков, кажется, понимает текст Аристотеля

³⁶ Met. 981b13–17: τὸ μὲν οὖν πρῶτον εἰκὸς τὸν ὅποιανοῦν εὐρόντα τέχνην παρὰ τὰς κοινὰς αἰσθήσεις θαυμάζεσθαι ὑπὸ τῶν ἀνθρώπων μὴ μόνον διὰ τὸ χρήσιμον εἶναι τι τῶν εὐρεθέντων ἀλλ' ὡς σοφὸν καὶ διαφέροντα τῶν ἄλλων.

³⁷ Met. 981b17–20: πλειόνων δ' εὐρισκομένων τεχνῶν καὶ τῶν μὲν πρὸς ἀνάγκαια τῶν δὲ πρὸς διαγωγὴν οὐσῶν, ἀεὶ σοφωτέρους τοὺς τοιοῦτους ἐκείνων ὑπολαμβάνεσθαι διὰ τὸ μὴ πρὸς χρῆσιν εἶναι τὰς ἐπιστήμας αὐτῶν.

как говорящий о некоей исторической прогрессии изобретателей искусств, в которой каждый следующий изобретатель мудрее предыдущего. Это невозможно грамматически: указательные местоимения должны отсылать к чему-то упомянутому выше (а именно к разделению искусств). Отсюда и ошибочная атрибуция ἀεί (всегда) к σοφωτέρους (всегда мудрее) вместо ὑπολαμβάνεσθαι (всегда полагали).

«Когда были изготовлены все искусства, тогда уже открытия стали делаться не для каких-то наслаждений или ради необходимости; прежде всего, в тех местностях, где можно сидеть и размышлять. Так, математические искусства были разработаны впервые в Египте, где племени жрецов было разрешено сидеть и ничего не делать»³⁸.

1) πάντων τῶν τοιοῦτων κατεσκευασμένων – у Маркова передается как «когда были изготовлены все искусства». Оставим варваризм «изготавливать искусства» на совести переводчика. Важнее другое: Марков, видимо, не отличает τοιοῦτων, «такого рода», и τούτων, «этих». Аристотель говорит, что, когда были открыты все искусства того рода, о которых он говорил выше – т.е. служащие наслаждению или удовлетворению потребностей – только после них были открыты другие искусства – не служащие ни тому, ни другому, т.е. чисто теоретические. В тексте Маркова выходит, что после того, как были открыты вообще все искусства, людям каким-то образом все же удалось открыть еще какие-то дополнительные искусства – например, математику.

2) «открытия стали делаться не для каких-то наслаждений или ради необходимости» – Аристотель все же выражается куда конкретнее: «были открыты те из наук, которые не служат ни удовольствиям, ни удовлетворению необходимых потребностей». Аристотель описывает прогресс разных видов наук; текст Маркова этого ясного эволюционного перехода от одних наук к другим, увы, не передает. Не исключено, что переводчику не удалось обнаружить в тексте подлежащего к сказуемому εὐρέθησαν, «были открыты», и он решил превратить один этот глагол во всю грамматическую основу «открытия стали делаться».

3) σχολάζειν («иметь досуг») сначала становится у Маркова «сидеть и размышлять», а потом тут же, в соседней строке – «сидеть и

---

³⁸ Met. 981b20–25: ὅθεν ἤδη πάντων τῶν τοιοῦτων κατεσκευασμένων αἱ μὴ πρὸς ἡδονὴν μηδὲ πρὸς ἀνάγκαια τῶν ἐπιστημῶν εὐρέθησαν, καὶ πρῶτον ἐν τοῦτοις τοῖς τόποις οὗ πρῶτον ἐσχόλασαν: διὸ περὶ Αἴγυπτον αἱ μαθηματικαὶ πρῶτον τέχνη συνέστησαν, ἐκεῖ γὰρ ἀφείθη σχολάζειν τὸ τῶν ἱερέων ἔθος.

ничего не делать». Возможно, смелое уравнивание этих двух занятий может дать нам определенное понимание интеллектуальных практик самого переводчика.

«Мы говорили в «Этике», в чем различие между искусством, наукой и другими однородными занятиями. Поэтому сейчас мы будем формулировать другое: что мудрость, которую признают все люди, занимается первопричинами и принципами – почему, как мы говорили выше, опытный человек мнится мудрее просто пользующегося чувствами человека, искусный человек мудрее опытного человека, архитектор мудрее скульптора, а теоретик мудрее поэта»³⁹.

1) Союза «поэтому» в тексте Аристотеля нет; есть сочетание частиц μέν... δέ..., имеющее значение «что касается... тогда как...» и целевая конструкция οὗ ἕνεκα, которую Марков оставляет без перевода. Либо переводчик решил, что οὗ δ' ἕνεκα можно перевести как «поэтому» (нельзя), либо проигнорировал имеющиеся в тексте союзы, придумав свой.

2) Там, где у Аристотеля «все полагают, что так называемая мудрость занимается первыми причинами и началами», у Маркова – «мудрость, которую признают все люди». Такой перевод невозможен, однако нетрудно предположить, как он мог появиться: именно такой текст мы получим, если перепутаем причастия от слов ὀνομάζω, «называть» и νομίζω, «считать, признавать» – в этом случае вместо «так называемой мудрости» Аристотеля получится как раз «мудрость, которую признают», к которой нетрудно додумать «всех людей».

Возможно и другое объяснение этой же ошибки: дело в том, что в тексте Маркова совсем опущены подлежащее и сказуемое (!) рассматриваемого предложения, ὑπολαμβάνουσι πάντες («все полагают»). Вероятно, переводчику, который считает возможным перевести ποιέω как «изобретать», может показаться вполне допустимым также передать ὑπολάβω («полагать») как «признавать». В таком случае возможно, что «мудрость, которую признают все люди» рождается у Маркова именно из ὑπολαμβάνουσι πάντες. Грамматически это опять же невозможно – у Аристотеля все признают не мудрость, а тот факт, что объектом мудрости являются начала и первые причины, но, как

³⁹ Met. 981b25–982a1: εἴρηται μὲν οὖν ἐν τοῖς ἠθικοῖς τίς διαφορά τέχνης καὶ ἐπιστήμης καὶ τῶν ἄλλων τῶν ὁμογενῶν: οὗ δ' ἕνεκα νῦν ποιούμεθα τὸν λόγον τοῦτ' ἐστίν, ὅτι τὴν ὀνομαζομένην σοφίαν περὶ τὰ πρῶτα αἴτια καὶ τὰς ἀρχὰς ὑπολαμβάνουσι πάντες: ὥστε, καθάπερ εἴρηται πρότερον, ὁ μὲν ἐμπειρὸς τῶν ὁποιοῦν ἐχόντων αἴσθησιν εἶναι δοκεῖ σοφώτερος, ὁ δὲ τεχνίτης τῶν ἐμπειρῶν, χειροτέχνου δὲ ἀρχιτέκτων, αἱ δὲ θεωρητικαὶ τῶν ποιητικῶν μᾶλλον.

читатель мог уже неоднократно убедиться, грамматика – это не препятствие для Маркова в его переводе.

3) Марков наконец-то переводит докеῖ («мнится»), хотя и делает подлежащим при этом глаголе «опытного человека». Хорошо, что это слово больше не игнорируется. Плохо, что Марков считает его сказуемым при подлежащем ἔμπειρος, – это позволяет заподозрить его в том, что он не знает, что докеῖ по большей части употребляется в греческом безлично.

4) Перевод Маркова дает нам грамматически невозможное «теоретик мудрее поэта» там, где в оригинале стоит αἱ δὲ θεωρητικαὶ τῶν ποιητικῶν μᾶλλον (в смысле докеῖ εἶναι). Допустим, мы игнорируем множественное число αἱ θεωρητικαὶ и τῶν ποιητικῶν и не принимаем во внимание, что θεωρητικός и ποιητικός – прилагательные, а не существительные. Но даже после этого очень сложно не заметить женский род αἱ θεωρητικαὶ. Мы, конечно, все еще могли бы продолжить упражнение в странном переводе и предположить, что Аристотель на очень ломанном греческом говорит здесь о женщинах-теоретиках, которые мудрее поэтов. Но если возвращаться в область здравого смысла, то совершенно ясно, αἱ θεωρητικαὶ и αἱ ποιητικαὶ – это те самые теоретические и творческие, созидающие искусства (τέχνη) или науки (ἐπιστήμαι), о которых он только что рассуждал.

Повторю. Аристотель: «[кажется, что] теоретические [науки] более [причастны мудрости], чем практические». Марков: «теоретик [мнится] мудрее поэта».

– 3 –

По самым скромным подсчетам, в одной первой главе «Метафизики» в переводе Маркова на трех страницах можно обнаружить 45 ошибок, из которых половина (24) искажают текст «Метафизики» до неузнаваемости. Замечу, что это подсчет именно *ошибок* – без учета многочисленных странностей перевода (вроде передачи πράττειν как «работать»).

Все обнаруженное нами в этой главе мы встретим в этом издании и далее: 1) эксцентричный и необоснованный перевод отдельных слов; 2) отсутствие минимального постоянства в передаче словаря Аристотеля; 3) неосведомленность в базовой философской терминологии Аристотеля и, как следствие, ее неверная передача; 4) произвольное добавление и пропуск слов и целых фраз; 5) пропущенные в большинстве случаев нюансы эпистемической модальности; 6) отсут-

ствующие в абсолютном большинстве случаев союзы, указывающие на связь предложений друг с другом; 7) разрубленные на неясных основаниях периоды; 8) грамматически невозможные в русском языке предложения; 9) ошибки, заставляющие усомниться в том, что переводчик знает основы греческой грамматики.

Последний пункт я хотел бы пояснить. Во-первых, насколько все плохо? Для читателей, далеких от греческого языка, я предлагаю следующую аналогию. Английский текст, в котором оборот «there is» в половине случаев переводится как «там есть», или немецкий, в котором «es gibt» чаще всего передается как «оно дает», – вот наиболее точный аналог уровня нового перевода «Метафизики». Подчеркну: я утверждаю, что это *не преувеличение*.

Во-вторых, я хочу быть правильно понят: все сказанное выше я хотел бы адресовать переводу, оставляя пока за скобками его автора. Перевод выглядит так, будто он выполнен человеком, не знающим Аристотеля, а в греческом уверенно ориентирующимся разве что в буквах. Но это говорит нам ровно о том, *как он выглядит*. Почему он так выглядит – другой вопрос. Я вижу две возможности. Первая – автор перевода действительно не знает ни языка, ни Аристотеля. Вторая – автор перевода знает и язык, и Аристотеля, но по какой-то причине переводит так, чтобы перевод выглядел именно таким образом. Первое объяснение кажется более экономным, но, с другой стороны, как было показано, в тексте встречаются места, выходящие за рамки всякой логики (включая логику простой ошибки).

Сам Марков не предпринимает никаких усилий для пояснения своего проекта; более того, издание выполнено и подано так, будто это – серьезный перевод. Выше, однако, было показано, что серьезным переводом это быть не может; если это серьезный перевод, то он совершенно никуда не годится. Однако, возможно, нам все же удастся найти такую интерпретацию намерений переводчика, которая поможет нам понять, в чем смысл появления этого издания?

В публичных выступлениях Марков иногда говорит о том, что ставил перед собой задачу популяризации и привлечения внимания к тексту Аристотеля со стороны студентов⁴⁰. Можно ли оправдать этим получившийся текст? Я уверен, что нет. Популяризаторский эффект издания Маркова может быть только самым сокрушительным. Человек, впервые знакомящийся с Аристотелем по этому изданию, может

⁴⁰ См., например, видеозапись: Alexander Markov. Презентация «Метафизики» Аристотеля, интернет-ресурс: <https://www.youtube.com/watch?v=SHcCggdkLs0> (дата обр. 01.10.2018).

подумать, что мысль Аристотеля действительно представляет собой ту бессвязную словесную жижу, которая получилась у Маркова. Кого-то это навсегда оттолкнет от Стагирита. Те, кто решит продолжить знакомство с Аристотелем, очень скоро поймут, как они были обмануты. Те же, кто ограничится чтением Аристотеля по Маркову, останутся с превратным впечатлением о том, что вот это и есть античная философия.

Другой аргумент, к которому мог бы прибегнуть Марков в защиту своего издания, – уже упоминавшееся утверждение о том, что это издание выполнено «следуя современной постструктуралистской деконструкции». Мои скромные познания в области деконструктивистских проектов, однако, говорят мне, что каждый из них должен быть достаточно тщательно описан и обоснован. Заставить текст говорить о скрытом принципе своего устройства – это тяжелая и долгая работа, требующая не только четкого указания на этот принцип, но и чрезвычайно подробного объяснения и обоснования своих выводов: достаточно посмотреть, сколько страниц Деррида посвящает прослеживанию нитей влияния на ткань текстов Платона всего одного лексического пучка⁴¹. Деконструктивистское прочтение «Метафизики» даже более, чем классический перевод, нуждалось бы в подробном введении, обширном комментарии и филигранно выверенном переводе. Текст же Маркова весьма далек от всех этих строгих максим.

Но может быть не стоит пытаться искать за этим изданием некое серьезное намерение? Возможно, перед нами не более чем грандиозная шутка переводчика? Это было бы, пожалуй, самым достойным для Маркова объяснением. Но и оно, я полагаю, не оправдывает предложенный нам текст. Во-первых, не смешно. Во-вторых, подается эта шутка как вполне серьезное издание. Последнее означает, что книга Маркова злоупотребляет уязвимостью неосведомленной об Аристотеле аудитории, – по всей вероятности, с тем результатом, который я описал выше.

Повторяю, все сказанное – попытка рациональной реконструкции возможных мотивов Маркова как переводчика, которые мне приходится додумывать вследствие его умолчания о них. Я не знаю, имеем ли мы в случае издания Маркова дело с попыткой остаться в истории переводчиком «Метафизики» любой ценой; с «эффектом Даннинга–Крюгера» (т.е. случаем, когда человек настолько некомпетентен, что

---

⁴¹ Деррида Ж. Фармация Платона / Пер. Д.Ю. Кралечкина // Деррида Ж. Диссеминация. Екатеринбург, 2007. С. 71–217.

даже не способен понять, насколько он некомпетентен); с элементарным непониманием того, что философский текст отличается от художественного произведения и что в нем заложена связная мысль; с вышедшей из-под контроля шуткой или еще с чем-то иным. Но я не могу представить себе ни одного мотива издания такой книги, который не заслуживал бы самой серьезной критики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аристотель. Метафизика / Пер. и вступит. статья А.В. Маркова. М.: РИПОЛ классик, 2018. 384 с.

Аристотель. Метафизика / Пер. А.В. Кубицкого под ред. М.И. Иткина // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1975. С. 63–367.

Аристотель. Метафизика / Пер. А.В. Кубицкого. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934.

Аристотель. Метафизика. Книги XIII–XIV / Пер. и ком. А.Ф. Лосева // Лосев А.Ф. Критика платонизма у Аристотеля. М., 1929.

Аристотель. Метафизика (I–V кн.) / Пер. П.Д. Первова и В.В. Розанова // Журнал Министерства народного просвещения. 1890, 1893, 1895.

Деррида Ж. Фармация Платона / Пер. Д.Ю. Кралечкина // Деррида Ж. Диссеминация. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. Р. 71–217.

Лайонз Д. Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978. 543 р.

Марков А.В. Презентация «Метафизики» Аристотеля, интернет-ресурс: <https://www.youtube.com/watch?v=SHcCgdkLso> – дата обращения 01.10.2018.

Einarson B. On Certain Mathematical Terms in Aristotle’s Logic: Part II // The American Journal of Philology. 1936. Vol. 57. No. 2. P. 151–172.

Liddell H.G., Scott R. A Greek-English Lexicon. Oxford: Clarendon Press, 19969. xlv+2041+xxix+320 p.

Марков А. Презентация «Метафизики» Аристотеля, интернет-ресурс: <https://www.youtube.com/watch?v=SHcCgdkLso> – accessed on 01.10.2018.

Einarson B. “On Certain Mathematical Terms in Aristotle’s Logic: Part II”, The American Journal of Philology, 1936, Vol. 57, No. 2, pp. 151–172.

Liddell H.G., Scott, R. A Greek-English Lexicon, Oxford: Clarendon Press, 19969, xlv+2041+xxix+320 pp.

Artem Timurovich Iunusov

PhD in Philosophy, research fellow at the Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russia. E-mail: fortytwo@mail.ru.

A Powerless Impossibility

(A review of A.V. Markov’s translation of Aristotle’s *Metaphysics*)

Summary: In present paper I review the first in more than 100 years completely new translation of Aristotle’s *Metaphysics* in Russian. Having examined the principles of this new edition (in pt. 1) and its probable goals (in pt. 3) as well as having thoroughly commented the text of *Metaphysics* A.1 as it is presented in the translation (in pt. 2), I conclude that the text that this edition offers not only cannot be regarded as a translation of Aristotle in any remotely acceptable sense, but barely constitutes a coherent text at all.

Keywords: ancient philosophy, Aristotle, *Metaphysics*, Russian translation, Markov, review.

References

Aristotle. *Metafizika* [Metaphysics], trans. by A.V. Markov. Moscow: RIPOL klassik Publ., 2018, 384 p. (In Russian)

Aristotle. *Metafizika* [Metaphysics], trans. by A.V. Kubitskii, rev. by M.I. Itkin, in: Aristotle, Works, 4 Vols. Vol. 1. Moscow: Mysl, 1975. C. 63–367. (In Russian)

Aristotle. *Metafizika* [Metaphysics], trans. by A.V. Kubitskii. Moscow: Sotsekgiz, 1934. (In Russian)

Aristotle. *Metafizika* (Metaphysics XIII–XIV), trans. by A.F. Losev, in: A.F. Losev, *Kritika platonizma u Aristotelya*. Moscow, 1929. (In Russian)

Aristotle. *Metafizika* (Metaphysics I–V), trans. by P.D. Pervov and V.V. Rozanov, *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1890, 1893, 1895. (In Russian)

Derrida, J. “Farmatsiya Platona ” [La pharmacie de Platon], trans. by D.Yu. Kralechkin, in: J. Derrida, *Disseminatsiya* [La Dissémination], Ekaterinburg: U-Faktoriya Publ., 2007, pp. 71–217 (In Russian).

Einarson, B. “On Certain Mathematical Terms in Aristotle’s Logic: Part II”, *The American Journal of Philology*, 1936, Vol. 57, No. 2, pp. 151–172.

Liddell, H.G., Scott, R. *A Greek-English Lexicon*, Oxford: Clarendon Press, 19969, xlv+2041+xxix+320 pp.

Lyons, J. *Vvedenie v teoreticheskuyu lingvistiku* [Introduction to Theoretical Linguistics], Moscow: Progress Publ., 1978, 543 p. (In Russian).